

После ухода Цзинь Чэньчжоу в квартире стало так тихо, что Лин Сяньйуй слышал, как слишком часто бьется его собственное сердце.

Он долго стоял не двигаясь, прежде чем медленно подойти к дивану и сесть. Его пальцы машинально поглаживали холодный гладкий корпус подаренной ручки, а другая рука бессознательно коснулась ключицы и щеки — туда, где только что проходили кончики пальцев Цзинь Чэньчжоу. Казалось, кожа до сих пор хранила обжигающее тепло его прикосновения.

Что он имел в виду? Подарил ручку... еще и прикоснулся... Это просто поощрение от начальника подчиненному? Или что-то иное?

Он не осмелился развивать эту мысль дальше и резко помотал головой, пытаясь отогнать прочь эти сумбурные размышления. Успокойся, Лин Сяньйуй! Не забывай, какова суть ваших отношений! Ты для него просто забава, как новая игрушка. Наиграется и выбросит! Именно так! Ни в коем случае нельзя тешить себя пустыми надеждами!

Предостерегши себя, он глубоко вздохнул и заставил внимание переключиться на ручку и сценарий. Он достал финальную версию сценария к фильму Безмолвие и открыл на сцене финала: юноша в полумраке тюремной камеры дрожащей рукой пишет длинное признание.

Лин Сяньйуй сжал в руке подаренную ручку. Она была увесистой, идеально лежала в ладони, а холод металла словно помогал глубже погрузиться в состояние отчаяния и раскаяния.

Неужели то, что он выбрал именно ее, просто совпадение?

Эта мысль промелькнула и исчезла, но бросила крошечный камень в спокойную гладь его души, вызвав круги на воде.

В последующие дни Лин Сяньйуй подавлял в себе любые признаки волнения и смятения, целиком посвятив себя завершению съемок. Казалось, только в изнурительной работе можно было игнорировать голос в глубине души, который становился все отчетливее и тревожнее.

Цзинь Чэньчжоу больше не появлялся и не присылал тех сообщений, от которых сердце теряло привычный ритм. Казалось, та короткая встреча была лишь иллюзией. Однако ресурсы, которые приносила Чжоу Цзе, становились все лучше, а отношение съемочной группы — все более уважительным. Все это безмолвно напоминало ему, что влияние этого человека повсюду.

Наконец настал день съемок главной сцены.

В мрачной, сырой допросной комнате лишь одна тусклая лампа освещала небольшой стол. Лин Сяньйуй в мешковатой тюремной робе казался еще более хрупким и беззащитным. Его волосы

были коротко острижены, на лице виднелись шрамы и синяки, но в глазах больше не было прежнего вызова или отчаяния — лишь спокойствие стоячей воды, за которым скрывалась бездонная пустота и оцепенение.

Он сидел за столом, перед ним лежали листы бумаги и та самая ручка.

На площадке воцарилась гробовая тишина, вся съемочная группа затаила дыхание. Режиссер Чэнь, сидевший за монитором, смотрел на него пронзительным взглядом.

— Action!

Лин Сяньйуй медленно поднял руку и взял ручку. Его пальцы слегка дрожали — не от страха, а из-за почти физического отторжения совершенных когда-то грехов. Он опустил голову и начал писать.

Кончик ручки с тихим шорохом скользил по бумаге, и в этой тишине звук казался оглушительным. Никаких слов, никакой бурной мимики. Камера пристально следила за его лицом. Взгляд был пуст, словно душа покинула тело, оставив лишь механическую оболочку. Но если присмотреться, в глубине этой пустоты можно было заметить едва уловимые эмоциональные всплески. Мимолетная тоска по матери? Запоздалое раскаяние перед жертвами? Насмешка над собственной судьбой и принятие ее? Сложнейшая палитра чувств передавалась лишь глазами и тончайшей игрой лицевых мышц.

В какой-то момент из его глаз беззвучно скатилась слеза, упала на бумагу и расплылась чернильным пятном. Он не остановился и не вытер ее, словно слеза не имела к нему никакого отношения — просто последние капли влаги, выдавленные этим телом. Он продолжал писать — спокойно, отрешенно, с пугающим чувством святости, словно совершал акт самопожертвования и собственного суда.

Это было предельно сдержанно и до дрожи пронзительно.

— Cut!

Режиссер Чэнь скомандовал стоп, но его голос прозвучал глуше, чем обычно. На площадке царил тишина, лишь спустя несколько секунд кто-то, словно очнувшись от сна, шумно выдохнул. Многие из женщин-сотрудниц украдкой вытирали слезы.

Лин Сяньйуй же все еще оставался в образе. Он замер в той же позе, взгляд его оставался пустым.

Кто я? Где я? Почему я здесь? Так холодно... так устал... Все кончено...

Волна сильного сердцебиения и путаных мыслей неконтролируемым потоком хлынула в

сознание Цзинь Чэньчжоу, который в этот момент был на совещании. Тот внезапно замолчал, нахмурившись.

Это чувство пустоты, отчаяния, граничащего с крахом... Маленький лжец? Что-то случилось?

Атмосфера вокруг него мгновенно сгустилась. Подчиненный, выступавший с докладом, испуганно осекся:

— Г-господин Цзинь?

Цзинь Чэньчжоу жестом велел ему замолчать, сосредоточенно прислушиваясь к обрывкам нестабильных мыслей, доносившихся с той стороны. Не похоже на опасность... Скорее, это... игра? Слишком глубоко вошел в роль?

В этот момент он услышал мягкий женский голос, осторожно зовущий:

— Сяньюй? Сяньюй? Съемки окончены, можно выходить из образа.

Затем он услышал ответ Лин Сяньюя — голос был заложенным от слез, растерянным и далеким:

— ...Все?

Все кончено? Я могу... вернуться домой?

Хрупкость и беспомощность в этих словах, словно тонкая игла, укололи сердце Цзинь Чэньчжоу. Он отчетливо представил, как этот маленький лжец сейчас выглядит — потерянный и до боли жалкий.

Цзинь Чэньчжоу помолчал несколько секунд и обратился к застывшим от страха сотрудникам:

— Совещание прерывается.

Затем, под ошеломленными взглядами коллег, он взял пиджак, ключи от машины и широким шагом вышел из зала.

На площадке все наконец осознали, что состояние Лин Сяньюя не в порядке. Он слишком глубоко погрузился в роль и не мог прийти в себя. Чжоу Цзе поспешила к нему, тихо успокаивая и помогая стереть следы слез и грим. Режиссер Чэнь тоже подошел и по-отечески

похлопал его по плечу:

— Отлично! Лин Сяньюй, ты преподнес мне огромный сюрприз. Снято. Ты полностью завершил работу над фильмом.

Услышав слово завершил, Лин Сяньюй наконец сфокусировал взгляд, возвращаясь в реальность.

— Завершил? — пробормотал он.

Затем он испустил долгий, измученный вздох, словно сбросил с плеч тяжелую ношу, и едва не лишился чувств от слабости. Вокруг раздались аплодисменты — его поздравляли с окончанием съемок. Лин Сяньюй натянуто улыбнулся в ответ, но разум все еще пребывал в тумане.

Чжоу Цзе помогла ему собрать вещи, чтобы отвезти в отель. Как только они вышли за пределы павильона, перед ними бесшумно, словно призрак, остановился черный Майбах. Заднее стекло опустилось, открывая четкий профиль Цзинь Чэньчжоу.

Чжоу Цзе вздрогнула:

— Господин Цзинь?

Взгляд Цзинь Чэньчжоу скользнул мимо нее прямо на Лин Сяньюя, чей взгляд все еще блуждал где-то вдалеке.

— Садись, — коротко бросил он тоном, не терпящим возражений.

Увидев Цзинь Чэньчжоу, Лин Сяньюй замер. Холод и растерянность, терзавшие его, внезапно обрели точку опоры. Как он... снова здесь?

Он машинально подчинился, открыл дверь и сел в машину. Чжоу Цзе благоразумно не стала вмешиваться:

— Тогда оставляю Сяньюя на вас, господин Цзинь, а я пойду улажу оставшиеся дела.

Машина плавно тронулась с места. В салоне Лин Сяньюй сидел, опустив голову, и бессознательно теребил грубую ткань костюма — он все еще не до конца вышел из образа. Цзинь Чэньчжоу не тревожил его, лишь молча наблюдал. Он отчетливо ощущал подавленную печаль и пустоту, исходящую от сидящего рядом, — это чувствовалось даже острее, чем через мысли.

Спустя некоторое время он негромко произнес, голос его звучал мягче обычного:

— Потерялся после одной роли?

Лин Сяньйой поднял голову. Его глаза все еще были красными, а взгляд напоминал заблудившегося олененка, в нем сквозила обида:

— ...Тот персонаж был слишком несчастным.

Глядя на него, Цзинь Чэньчжоу почувствовал, как странное раздражение и неприятный осадок от недавнего сердечного приступа улетучились. Он усмехнулся:

— Если знаешь, что это тяжело, в следующий раз снова возьмешься за такую роль?

Лин Сяньйой поджал губы, но взгляд его постепенно стал решительным:

— Да. Мне понравилось играть. Хотя было больно, но я, кажется... нащупал порог настоящего актерства.

Слушая его мысли, в которых появилась искра жизни, Цзинь Чэньчжоу едва заметно улыбнулся. Хоть какой-то толк.

Машина поехала не к отелю, а напрямик к пентхаусу.

— Поднимайся, прими горячий душ и переоденься, — приказал Цзинь Чэньчжоу. — Смой с себя всю эту скверну.

Лин Сяньйой послушно исполнил приказ. Когда он, приняв душ и переодевшись в домашнюю одежду, вышел из ванной, то обнаружил, что Цзинь Чэньчжоу еще не ушел — он стоял у окна и разговаривал по телефону. Закатные лучи проникали сквозь стекло, очерчивая его фигуру теплым золотым контуром и смягчая его привычную холодность.

Услышав шум, Цзинь Чэньчжоу повесил трубку и обернулся. Их взгляды встретились. Сердце Лин Сяньйоя, которое только начало успокаиваться, вновь предательски дрогнуло.

Цзинь Чэньчжоу подошел к обеденному столу, на котором стоял термоконтейнер. Он открыл крышку, и по комнате разлился аппетитный аромат еды.

— Иди ешь, — сказал он так естественно, словно это было самым обычным делом.

Лин Сяньйой растерянно подошел. Глядя на блюда, которые явно были приготовлены с заботой

и в точности соответствовали его вкусу, он почувствовал, как внутри снова что-то дрогнуло. Он... приехал специально, чтобы... поужинать со мной?

Цзинь Чэньчжоу не стал ничего объяснять, просто протянул ему палочки. Они ели молча. Атмосфера была странной, но не неловкой. После ужина Цзинь Чэньчжоу не спешил уходить: он достал планшет и занялся почтой. Лин Сяньюй устроился на диване неподалеку, перечитывая сценарий и украдкой поглядывая на работающего Цзинь Чэньчжоу.

Как он работает... кажется, он немного красив? Нет-нет! Нельзя на него смотреть!

Слушая эти мысли, Цзинь Чэньчжоу даже не поднял головы, но уголки его губ едва заметно дрогнули.

Сгущались сумерки. Цзинь Чэньчжоу закрыл планшет и встал:

— Я ухожу.

Лин Сяньюй тоже поднялся:

— До свидания, господин Цзинь.

Цзинь Чэньчжоу дошел до двери, внезапно остановился и оглянулся:

— Лин Сяньюй.

— Да?

— Роль сыграна, — взгляд его был глубоким, словно он видел Лин Сяньюя насквозь. — Пора выходить из образа.

Голос его не был громким, но в нем чувствовалась странная сила, отзывавшаяся в сердце Лин Сяньюя.

— Не забывай, кто ты такой.

Сказав это, он еще раз пристально посмотрел на Лин Сяньюя и вышел. Дверь тихо закрылась. Лин Сяньюй остался стоять в пустой гостиной, снова и снова прокручивая в голове последние слова.

Не забывай, кто ты такой... Он напоминает мне не заигрываться в персонажа? Или... напоминает не терять голову в той иллюзии, что он сам для меня спел?

Сердце Лин Сяньюя снова пришло в смятение. Но на этот раз в этом смятении смешались чувства, которые он сам не мог до конца распознать.

Он подошел к окну и проводил взглядом черный Майбах, который влился в поток машин и вскоре исчез из виду. Его пальцы бессознательно коснулись цепочки на шее.

Замок... что же он на самом деле запер? А может быть, что-то... уже начало выходить из-под контроля?

<http://bllate.org/book/18865/1841277>